

Евгений Ветров

Индекс совместимости

18+

Евгений Ветров

Индекс совместимости

<https://litres.ru/74525723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Концепция 1: «Цифровое сердце» (Техно-романтика)

Визуал:

- В центре — silhouette мужчины и женщины, стоящих лицом друг к другу, но между ними тонкая светящаяся линия, похожая на схему чипа.

- Их тела наполовину состоят из цифрового кода (пиксели, строки данных), который рассыпается внизу.

- Фон — тёмный, с холодными синими и серыми тонами, но в области их сердец пробивается тёплый золотой свет.

- В верхней части — название: «ИНДЕКС СОВМЕСТИМОСТИ» строгим, технологичным шрифтом.

Настроение: Холодный мир, но живая любовь внутри него.

Почему подходит: Сразу видно, что это история о любви в мире технологий, где чувства пытаются контролировать.

Содержание

От автора:	4
Глава 1	7
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Ветров

Индекс совместимости

От автора:

Дорогой читатель!

Прежде чем ты перевернёшь эту страницу и погрузишься в историю Лианы и Кая, я хочу сказать тебе несколько слов.

Эта книга — о любви. Но не о той лёгкой, безоблачной, которая живёт только в сказках. Эта книга о любви, которая борется. Которая просыпается в самый тёмный час и откачивается гаснуть, даже когда весь мир против неё. О любви, которая задаёт неудобные вопросы и не принимает готовых ответов.

Я писал эту историю для всех, кто когда-либо чувствовал, что его чувства обесценивают. Для тех, кому говорили: «Это просто химия», «Это пройдёт», «Не будь наивным». Для тех, кто боролся за право любить по-своему — без разрешения, без расписания, без чужого одобрения.

Мир, в котором живут герои, может показаться далёким будущим. Но разве мы уже не там? Разве нас не пытаются убедить, что чувства можно измерить, что совместимость — это алгоритм, что любовь — это просто набор параметров? Разве мы не слышим каждый день, что технологии знают о

нас больше, чем мы сами?

Эта книга — мой ответ на эти вопросы. Мой способ сказать: нет. Любовь нельзя запрограммировать. Её нельзя вживить в чип, нельзя свести к индексу совместимости, нельзя поставить срок годности. Любовь — это выбор. И пока у нас есть этот выбор, мы свободны.

Я не знаю, кто ты, мой читатель. Может быть, ты романтик, который верит в судьбу. Может быть, скептик, который не верит ни во что. Может быть, ты просто устал и ищешь историю, которая подарит немного тепла. В любом случае — добро пожаловать. Эта история для тебя.

Я писал её долго. Переживал за героев, как за живых людей. Иногда просыпался ночью с мыслью о том, что они скажут или сделают дальше. Иногда плакал над их потерями. Иногда улыбался их победам. И теперь, когда история завершена, я чувствую и радость, и грусть — как будто попрощался с близкими друзьями.

Но прежде чем ты начнёшь читать, я хочу попросить тебя об одном. Не спеши. Позволь себе погрузиться в этот мир. Позволь героям стать твоими друзьями. Позволь себе чувствовать — даже если это больно. Потому что именно в этом и есть смысл. Не в том, чтобы просто прочитать историю, а в том, чтобы прожить её вместе с ними.

И ещё одно. Если после этой книги ты обнимешь кого-то, кто тебе дорог, и скажешь ему что-то важное — я буду счастлив. Если ты поверишь в себя, когда будет трудно, — я буду

горд. Если ты просто закроешь последнюю страницу и улыбнёшься — это уже победа.

Спасибо, что ты здесь. Спасибо, что выбрал эту книгу. Спасибо, что даёшь мне возможность рассказать тебе эту историю.

А теперь — переворачивай страницу. Их история начинается.

С любовью,

Евгений Ветров

Глава 1

Серый цвет был самым безопасным.

Лиана усвоила это правило ещё в детстве, когда отец, работавший на очистных станциях, приносил домой образцы воды. Чистая вода была прозрачной, грязная — мутной, но опасная всегда имела оттенок. Жёлтый, зелёный, редко — красный. Серый же означал нейтралитет. Безопасность. Отсутствие жизни, да, но и отсутствие угрозы.

Комната, в которой она находилась сейчас, была выдержана в идеальном сером спектре. Стены цвета мокрого асфальта. Пол — полированный бетон с едва заметной зернистостью. Даже воздух казался серым — не из-за пыли, а из-за стерильной фильтрации, которая высасывала из атмосферы все молекулы эмоций. Запахи, феромоны, частицы чужого пота — всё это уходило в мощные вентиляционные шахты, оставляя только нейтральный кислород с лёгкой примесью озона.

Лиана сидела на краю кушетки, обитой медицинским пластиком, и рассматривала свои руки. Пальцы дрожали. Мелко, противно, так, что она не могла это контролировать, сколько бы ни сжимала их в кулаки. Она ненавидела эту дрожь. Ненавидела себя за неё. Потому что знала: дрожь — это не страх. Это предвкушение. Тело предавало её, требуя того, чего она должна была избегать.

Ты же знаешь, чем это кончается, — сказала она себе мысленно, и голос в голове прозвучал резко, как пощёчина. — Ты видела отчёты. Ты держала в руках графики смертности. Ты хоронила наставника.

Но тело не слушалось. Тело хотело любви.

Серый цвет был безопасным, но Лиана давно поняла, что безопасность — это клетка. Именно поэтому она сидела здесь, в центре совместимости «Этерна-Сити», за два часа до того, как ей в черепную коробку вставят чип «Амур-7», и чувствовала себя самой большой предательницей в мире.

Дверь открылась без звука. Пневматические системы в зданиях корпорации работали так бесшумно, что Лиана подпрыгнула, когда белый проём расширился, впуская в комнату женщину в таком же белом костюме, как и всё остальное.

— Лиана Рейнольдс? — спросила женщина, сверяясь с планшетом. У неё было лицо куклы — правильные черты, безупречная кожа, никаких морщин. Ботокс или генная модификация, Лиана не могла определить с первого взгляда. — Я доктор Чен, ваш куратор на этапе предварительной адаптации.

— Здравствуйте, — выдавила Лиана. Голос прозвучал сипло, и она прочистила горло.

Доктор Чен улыбнулась той самой улыбкой, которую Лиана видела тысячу раз в рекламных роликах «Этерны». Тридцать два зуба, ровно, никаких эмоций в уголках губ.

— Не волнуйтесь. Это совершенно безболезненная про-

цедура. Чип вводится через микроинъекцию в височную область. Вы даже не почувствуете.

Я знаю, — хотела сказать Лиана. Я сама разрабатывала систему подачи для прототипа. Я знаю, что игла проходит между костными пластинами черепа и внедряется в префронтальную кору. Я знаю, что 0.3% пациентов испытывают судороги во время активации. Я знаю, что через три месяца биоиндекс начинает падать, потому что нейросеть не выдерживает постоянной стимуляции дофаминовых рецепторов.

Вместо этого она кивнула.

— Хорошо.

Доктор Чен наклонила голову, всматриваясь в лицо Лианы с лёгким прищуром. На планшете засветились какие-то данные.

— Ваш психо-эмоциональный профиль показывает повышенный уровень тревожности. Это нормально. Многие кандидаты испытывают волнение перед встречей со своей идеальной парой.

— Идеальной парой, — повторила Лиана и едва не рассмеелась. Смех вышел бы истеричным, она это знала, поэтому сжала зубы.

— Да, — доктор Чен говорила так, будто объясняла ребёнку, что солнце встаёт на востоке. — Алгоритм анализирует триста сорок семь параметров вашей личности. Генетическая совместимость. Гормональный фон. Нейротип. Предпочтения, зафиксированные в вашем цифровом следе за по-

следние десять лет. К тому моменту, как вы проснётесь после активации, в этой комнате будет сидеть человек, который идеально подходит вам на всех уровнях. Ваш мозг буквально взорвётся от счастья.

«Взорвётся» — неудачное слово, подумала Лиана. Она помнила, как у наставника пошла кровь из носа на двадцать третий день эксперимента. Как он сжимал руку своей «идеальной пары» и шептал: «Мне больно, Лия, но я так счастлив, что мне больно».

— Я готова, — сказала она вслух. — Проводите процедуру.

Доктор Чен удовлетворённо кивнула, сделала пометку на планшете и жестом пригласила Лиану следовать за ней.

Коридоры центра были такими же стерильными, как и комната ожидания. Белый пластик, матовые световые панели на потолке, тихий гул вентиляции. Лиана шла босиком — обувь у неё забрали на входе, заменив на одноразовые тапочки, — и чувствовала, как холодный пол отдаёт вибрацией. Где-то глубоко под зданием гудели серверы. Тысячи процессоров вычисляли «идеальную любовь» для тысяч таких же, как она, отчаявшихся людей, которые пришли продать свои чувства за обещание вечного счастья.

Они остановились перед дверью с надписью «Операционная-7». Надпись светилась бледно-голубым — цветом, который в корпорации использовали для обозначения «надежды». Лиана знала эту цветовую схему наизусть. Она работа-

ла в «Этерне» три года, пока не уволилась после смерти наставника.

— Вам нужно раздеться до нижнего белья и лечь на стол, — сказала доктор Чен, прикладывая ладонь к сканеру. Дверь открылась с мягким шипением. — Процедура займёт около пятнадцати минут. После активации вы проведёте в восстановительной палате ещё час, а затем мы познакомим вас с вашим партнёром.

— Я знаю протокол, — ответила Лиана тихо.

Доктор Чен подняла бровь, но ничего не сказала. Она уже отвернулась к стерилизационной установке, проверяя инструменты, и не видела, как Лиана сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Операционная выглядела так же, как и в её воспоминаниях. Белый стол, похожий на хирургический, но с мягкими ремнями для фиксации головы. Голографический экран над столом, где будет отображаться процесс внедрения чипа. Роботизированная рука, которая делала всё с точностью до микрона.

Лиана сняла халат, который ей выдали при входе, и забралась на стол. Пластик был холодным, и по спине пробежали мурашки. Она легла на спину, глядя в потолок, где белые панели складывались в идеальный геометрический узор.

«Ты можешь всё остановить прямо сейчас,» — прошептал внутренний голос. — «Ты можешь встать, сказать, что передумала, и уйти. Они не имеют права тебя удерживать.

Ты подписала согласие, но оно не имеет силы до активации».

Но Лиана не встала.

Потому что, когда она смотрела на этот белый потолок, она видела не панели. Она видела свою квартиру, где по вечерам было так тихо, что слышно, как тикают часы. Она видела пустую сторону кровати, которую никто не грел. Она видела свои руки, которые три года никого не обнимали, потому что она боялась привязываться, боялась повторения той боли, которую испытала, когда наставник умер у неё на руках, сжимая её пальцы и шепча: «Спасибо, что была со мной».

Она устала бояться.

Роботизированная рука зажужжала, опускаясь к её голове. Лиана закрыла глаза и попыталась расслабить челюсть. Она слышала, как доктор Чен что-то говорит в микрофон, диктуя данные, но слова сливались в белый шум.

А потом она почувствовала лёгкий укол в висок. Как комариный. И сразу же — тепло, разливающееся по затылку. Чип начал активироваться.

Боль пришла не сразу.

Сначала было ощущение, будто в голову влили тёплый мёд. Тягучий, приятный, он растекался по извилинам, заполняя все пустоты. Лиана слышала, как доктор Чен говорит: «Начало имплантации. Уровень интеграции — 12%... 25%...»

А потом мёд превратился в кислоту.

Лиана закричала.

Голос вырвался из неё против воли — хриплый, надрывный, она даже не узнала его. Тело выгнулось дугой, руки вцепились в края стола, ноги дёрнулись, но ремни на голове держали крепко. В глазах вспыхнул белый свет, такой яркий, что, казалось, сейчас лопнут сосуды. Картинка мира распалась на пиксели, звуки — на отдельные частоты, и Лиана ощутила себя атомами, разлетающимися в пустоте.

«Это нормально, — услышала она голос доктора Чен, удивительно спокойный и далёкий. — 0.3% пациентов испытывают повышенную чувствительность. Мы увеличиваем седацию».

Лиана хотела сказать: «Я не пациент, я инженер, я знаю эту систему, она сломана, она убьёт меня, убьёт того, кто будет со мной, остановите!»

Но слова не складывались. Вместо них изо рта вырвался ещё один крик, и Лиана почувствовала, как по её щеке течёт что-то тёплое и липкое.

Кровь.

«Повышаем седативный уровень до максимума, — сказала доктор Чен, и в её голосе впервые промелькнула тень беспокойства. — Пациентка демонстрирует атипичную реакцию. Мы переходим на экстренный протокол».

Сознание Лианы начало угасать, но перед тем, как провалиться в темноту, она успела увидеть краем глаза голографический экран. Там мелькнули цифры: «Индекс совмести-

мости: 98.7%». И фотография мужчины. Кай. Чёрные волосы, острые скулы, серые глаза. Он смотрел куда-то в сторону, не в камеру, и на его губах застыла лёгкая, почти печальная улыбка.

Потом была темнота.

Она очнулась от звука собственного дыхания.

Где-то рядом тихо пищал кардиомонитор. Лиана открыла глаза и увидела над собой серый потолок — уже знакомый, нейтральный, безопасный. Она лежала на кушетке в восстановительной палате. Голова гудела, как после трёхдневного марафона с кодингом. Во рту пересохло, веки слипались, но главное — в груди разрасталось что-то тёплое и совершенно неуместное.

Она чувствовала себя живой.

Нет, не так. Она чувствовала себя настоящей. Будто до этого все двадцать восемь лет она существовала в чёрно-белом кино, а теперь кто-то включил цвет.

Лиана подняла руку и посмотрела на свои пальцы. Кожа казалась гладкой, мягкой, почти светящейся. Она провела ладонью по щеке — там, где была кровь, ничего не осталось. Только лёгкий след от антисептика.

— Очнулась? — раздался голос сбоку.

Лиана повернула голову и увидела доктора Чен, которая стояла у входа, подпирая плечом дверной косяк. Теперь лицо куклы не казалось безупречным — на лбу залегла лёгкая

морщина, а в глазах читалось что-то похожее на любопытство.

— Где я? — спросила Лиана, и голос прозвучал хрипло, но не так, как раньше. Глубже, что ли. Мягче.

— Палата восстановления. Вы были без сознания сорок семь минут. Это на двадцать минут дольше стандартного времени, — доктор Чен сделала шаг вперёд и протянула стакан воды. — Пейте медленно.

Лиана взяла стакан и заметила, что рука больше не дрожит. Вообще никакой дрожи. Только лёгкая, приятная вибрация внутри, будто под кожей работает маленький генератор счастья.

Она сделала глоток. Вода показалась невероятно вкусной. Сладкой. Живой.

— Как вы себя чувствуете? — спросила доктор Чен, наблюдая за ней с профессиональным интересом.

Лиана задумалась. Хороший вопрос. Она провела внутренний самоанализ — привычка, выработанная годами работы в лаборатории, — и попыталась отделить свои настоящие ощущения от тех, которые внушал чип.

Это было сложно.

Очень сложно.

Потому что чип не кричал в её голове: «Ты счастлива!» Чип не навязывал эмоции. Он просто делал так, что все окружающие предметы казались чуточку ярче, все звуки — чуточку мелодичнее, а будущее — чуточку светлее. Это было

похоже на то, как утром, когда ты хорошо выспался, мир кажется прекрасным просто потому, что ты отдохнул.

— Я... — начала Лиана и замолчала, потому что не могла подобрать слова. — Я чувствую себя спокойно. Впервые за очень долгое время.

Доктор Чен удовлетворённо кивнула.

— Био-индекс стабилен. 97.6% активации. Ваш мозг принял чип лучше, чем можно было ожидать, учитывая начальную реакцию. Мы провели дополнительное сканирование и не нашли повреждений.

Лиана опустила взгляд на свои руки. Она хотела рассердиться. Хотела вспомнить ту ненависть к корпорации, ту боль от потери наставника. Но вместо этого она почувствовала только лёгкую грусть, которая тут же сменилась теплом.

Это эффект чипа, — напомнила она себе. — Ты это знаешь. Он подавляет негативные эмоции, заменяя их на нейтральные или позитивные. Через три месяца, когда нейронные связи начнут разрушаться, ты снова почувствуешь боль, и тогда будет поздно.

Но сейчас, в этот момент, она не могла заставить себя волноваться о том, что случится через три месяца. Сейчас она просто хотела знать, что находится за этой дверью.

— Я хочу увидеть его, — сказала Лиана и удивилась тому, как легко слова сорвались с языка. — Моего партнёра.

Доктор Чен улыбнулась — на этот раз чуть теплее, чем раньше.

— Мы как раз ждали, когда вы это скажете. Он уже в соседней комнате. Прошёл процедуру без осложнений и всё это время спрашивал о вас.

Лиана почувствовала, как внутри неё разливается волна приятного волнения. Она хотела подняться, но доктор Чен жестом остановила её:

— Полежите ещё минуту. Ваши жизненные показатели вышли на стабильный уровень только три минуты назад. Я пришлю ассистента, чтобы он проводил вас.

Доктор вышла, и дверь за ней закрылась с тем же бесшумным шипением. Лиана осталась одна.

Она лежала на кушетке, глядя в серый потолок, и пыталась собрать мысли в кучу. Это было похоже на попытку удержать воду в раскрытой ладони. Мысли ускользали, таяли, превращались во что-то приятное и неосязаемое.

Кай, — подумала она. — Его зовут Кай.

Она вспомнила фотографию с голографического экрана. Чёрные волосы. Острые скулы. Серые глаза, которые смотрели куда-то в сторону, словно он искал что-то за пределами кадра. На его губах застыла лёгкая печальная улыбка, и Лиана вдруг поняла, что хочет узнать, о чём он думал, когда позировал для этого снимка.

Она представила себе, как входит в соседнюю комнату и видит его вживую. Не на экране, не на фотографии, а настоящего. Вдохнула воздух, и он показался ей сладким, как ваниль.

— Прекрати, — прошептала она себе. — Ты же знаешь, что это просто программа. Просто алгоритм. Нет никакого влечения. Есть только твой собственный мозг, который чип заставляет вырабатывать дофамин, когда ты думаешь о нём.

Но внутри неё что-то сопротивлялось. Какой-то маленький, настойчивый голосок шептал: А если это не чип? А если это действительно судьба? Если алгоритм просто помог вам найти друг друга, а всё остальное — настоящее?

Лиана зажмурилась и сжала кулаки.

— Ты инженер, — сказала она вслух. — Ты знаешь механику процесса. Не смей поддаваться иллюзии.

Дверь открылась, и в комнату заглянула девушка-ассистент — такая же белая и стерильная, как всё вокруг.

— Мисс Рейнольдс? Я провожу вас в комнату для встреч.

Лиана села, чувствуя лёгкое головокружение. Но стоило ей встать на ноги, как головокружение прошло, сменившись ощущением уверенности. Земля под ногами была твёрдой, а путь — ясным.

Она пошла за ассистенткой по белому коридору, и каждый шаг отдавался в груди учащённым сердцебиением.

«Это просто биохимия», — твердила она себе. — «Просто реакция на стимуляцию дофаминовых рецепторов. Ты могла бы получить то же самое, если бы съела плитку шоколада или выиграла в лотерею».

Но когда ассистентка остановилась перед дверью, которая вела в соседнюю комнату, Лиана поняла, что шоколад здесь

не при чём.

— Он внутри, — сказала ассистентка и открыла дверь.

Комната была такой же серой, как и все остальные. Та же мебель, те же световые панели. Только на кушетке, спиной к ней, сидел человек. Высокий, худощавый, в такой же больничной одежде, как и у Лианы. Его чёрные волосы были чуть влажными, словно он только что принял душ.

Он повернулся на звук открывающейся двери, и Лиана увидела его лицо.

Вживую Кай был совсем другим, чем на фотографии. Живым. Настоящим. Его серые глаза расширились, когда он увидел её, и на губах появилась та самая печальная улыбка, которая привлекла её внимание на снимке.

Он смотрел на неё так, будто искал её всю жизнь.

— Привет, — сказал он, и голос у него оказался низким, чуть хриплым. — Ты Лиана?

Она хотела ответить «да» и почувствовала, как слова застревают в горле. Где-то в груди разлилось такое тёплое, такое огромное чувство, что ей показалось — она сейчас рассыплется на кусочки.

— Лиана? — переспросил он, и его лёгкая улыбка чуть поблекла от беспокойства.

— Да, — выдохнула она, шагнула вперёд и почувствовала, что не может контролировать ноги. Они несли её к нему, к этой кушетке, к этому человеку с серыми глазами, будто у них была своя воля. — Я Лиана.

И когда она подошла ближе, когда увидела, как в его глазах зажигаются искорки, она поняла, что пропала.

Никакой анализ, никакая память о наставнике, никакие расчёты не могли победить того, что она чувствовала в этот момент. А чувствовала она, что должна быть с ним. Что они связаны чем-то более глубоким, чем просто алгоритм.

Что этот момент — и есть её жизнь. А всё, что было до — просто подготовка к встрече с ним.

Кай встал с кушетки, и Лиана поняла, что он выше её почти на голову. Он смотрел на неё сверху вниз, в его глазах горел странный свет, и она видела в них отражение того же огня, который полыхал в её груди.

— Я знаю, это звучит безумно, — сказал он, и голос его дрогнул, — но мне кажется, что я знал тебя всегда.

Лиана рассмеялась — и собственный смех прозвучал для неё чужеродным, слишком счастливым, слишком невесомым.

— Это не безумно, — ответила она, и её голос дрогнул точно так же, как его. — Это алгоритм. Чип.

Кай покачал головой.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Это не просто чип. Я не знаю, как это объяснить, но когда ты вошла, я вдруг понял, что всё в моей жизни было неправильным. Все мои предыдущие отношения, все эти попытки найти кого-то — они были просто... репетицией. Это похоже на то, как будто ты смотрел на мир через матовое стекло, а теперь кто-то снял его.

Лиана хотела сказать ему правду. Хотела рассказать про наставника, про графики смертности, про то, что через три месяца их «идеальная любовь» начнёт разрушать им мозг. Хотела сказать, что он не должен верить тому, что чувствует сейчас, потому что это просто электрические импульсы и дофаминовые ловушки.

Но когда она открыла рот, чтобы произнести все эти слова, она увидела, как Кай протягивает к ней руку.

Его пальцы были тёплыми, когда они коснулись её щеки. И это прикосновение было самым правильным, самым естественным жестом в её жизни.

— Я не знаю, что это, — сказал он шёпотом. — Может быть, ты права, и это просто программа. Но если программа может сделать меня настолько счастливым, значит, в ней есть что-то правильное.

Лиана смотрела в его глаза, в эту серую глубину, и чувствовала, как тает последняя стена, которую она строила годами.

«Если я сейчас уйду, — подумала она, — если я скажу ему правду и исчезну, он будет жить. Он не умрёт через три месяца, как наставник. Я могу его спасти».

Но она не ушла.

Вместо этого она сделала шаг вперёд и коснулась его груди ладонью. Сердце под её рукой билось часто-часто, в унисон с её собственным.

— Я тоже чувствую это, — прошептала она. — Мне

страшно. Потому что я знаю, что это ненастоящее. Что это просто химия. Но почему тогда это ощущается как самое настоящее чувство, которое я когда-либо испытывала?

Кай улыбнулся, и в его улыбке не было ни капли печали.

— Может быть, потому что химия и есть чувства? — ответил он. — Мы же состоим из химии. Из атомов и молекул. Почему реакция, которую запустил чип, не может быть настоящей, если она делает нас счастливыми?

Лиана не нашла ответа.

Вместо этого она поднялась на цыпочки и поцеловала его. Первый поцелуй был робким, почти детским. Губы Кая пахли мятой, и Лиана почувствовала, как в голове взрывается фейерверк. Не в переносном смысле — буквально. Над её глазами, в голографическом интерфейсе, который она не замечала раньше, вспыхнули разноцветные звёзды. Чип регистрировал эмоциональный пик и визуализировал его в режиме реального времени.

«Осторожно, — прошептал внутренний голос, но он был таким тихим, таким далёким, что Лиана почти его не услышала. — Ты знаешь, что это — просто иллюзия. Ты знаешь, что настоящие чувства не сопровождаются визуальными эффектами».

Когда они отстранились друг от друга, на глазах у Лианы были слёзы. Она не могла понять, почему плачет — от счастья или от страха.

Кай вытер слёзы пальцами и снова улыбнулся.

— Мы справимся, — сказал он, и в его голосе звучала такая уверенность, что Лиана почти поверила ему. — Что бы ни случилось, у нас есть сейчас. А сейчас — это чудесно.

Лиана кивнула, сжимая его руку.

И в этот момент она приняла решение. Самое сложное решение в своей жизни. Она позволит себе эту иллюзию. Она позволит себе быть счастливой, даже зная, что это счастье имеет срок годности. И она сделает всё, чтобы, когда этот срок истечёт, Кай остался жив. Даже если для этого ей придётся разрушить ту самую любовь, которую она только что обрела.

Но это будет потом. А сейчас — сейчас она просто хотела стоять в этой серой комнате и чувствовать, как его пальцы переплетаются с её пальцами, как где-то за окном заходит солнце и как внутри неё просыпается надежда, которую она похоронила три года назад.

«Прости, наставник, — подумала она, глядя в глаза Кая. — Я знаю, что это повторится. Но я не могу от этого отказаться. Даже если это меня убьёт».

Чип снова засветился в её сознании, показывая радужные всплески, и Лиана позволила себе утонуть в этом сиянии, откладывая правду на завтра.

Ведь завтра она будет сильнее.

А сегодня ей просто хотелось быть любимой.

Глава 2

Лиана проснулась от того, что кто-то дышал ей в затылок. Это было странное ощущение — не пугающее, не вторгающееся, а скорее уютное, как тепло от камина в зимний вечер. Она лежала на боку, свернувшись калачиком, и чувствовала, как за её спиной размеренно вздымается и опускается чужая грудь. Чья-то рука лежала на её талии, тяжёлая, но не давящая, словно охраняла её даже во сне.

Лиана открыла глаза.

Серый потолок восстановительной палаты. Тот же самый, что и вчера. Но сейчас он казался не холодным и стерильным, а мягким и уютным, как облачное небо перед дождём. Где-то тихо гудел кондиционер, и этот гул воспринимался не как раздражающий шум, а как колыбельная, которую напевает сама вселенная.

Она осторожно повернулась — настолько медленно, чтобы не разбудить человека за спиной, — и увидела Кая.

Он спал на боку, лицом к ней, и во сне выглядел совсем иначе, чем наяву. Исчезла та лёгкая печальная складка между бровей, исчезла настороженность во взгляде. Его лицо разгладилось, стало почти мальчишеским, с пушистыми ресницами, которые отбрасывали тени на скулы. Чёрные волосы разметались по серой подушке, и одна прядь упала на лоб, делая его невероятно уязвимым.

Лиана смотрела на него и не могла отвести взгляд.

Она знала, что это неправильно. Что она должна была встать, найти телефон, позвонить в лабораторию, где работала раньше, и попросить старых коллег помочь ей извлечь чип. Она должна была бежать, прятаться, спасти его от того, что ждало их через три месяца.

Но вместо этого она просто лежала и смотрела, как спит Кай, и чувствовала, как внутри неё разрастается что-то огромное и тёплое, что не имело названия.

Наверное, это всё-таки был чип. Наверное, это была именно та химия, которую она так ненавидела. Но Лиана вдруг поняла, что ей всё равно. Она устала бороться. Устала быть сильной. Устала доказывать себе, что любовь — это просто набор нейронных связей и гормональных всплесков.

Она просто хотела быть с ним.

Кай пошевелился во сне, его рука на её талии чуть сжалась, и Лиана замерла, боясь дышать. Он что-то пробормотал во сне — неразборчиво, тихо, — и его губы тронула лёгкая улыбка.

«Что тебе снится?» — подумала она, и в груди кольнуло от нежности.

Она осторожно протянула руку и коснулась его щеки. Кожа была тёплой и гладкой, и под её пальцами Кай вздохнул глубже, приоткрыл глаза и посмотрел на неё. В его взгляде была такая растерянность, такая детская незащищённость, что Лиана почувствовала, как у неё сжимается сердце.

— Привет, — прошептала она.

Кай моргнул, и растерянность на его лице сменилась осознанием. Он улыбнулся — широко, тепло, так, что в уголках его серых глаз собрались морщинки.

— Привет, — ответил он, и голос у него был низким и сонным. — Я боялся, что ты мне приснилась.

— Приснилась?

Он приподнялся на локте и оглядел комнату.

— Ну, знаешь, всё это... Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я думал, что проснусь и окажется, что это был просто сон. Что никакой Лианы нет, а есть только я и эта серая комната.

Она усмехнулась и провела пальцами по его лбу, убирая упавшую прядь.

— Нет, я настоящая. И мы оба здесь. И, кажется, нам нужно пройти «тест-драйв» сегодня.

Кай нахмурился, но не отстранился от её руки.

— Тест-драйв?

Лиана кивнула и показала на голографический экран, который засветился на стене, стоило ей только подумать о протоколе. Чип считывал её намерения быстрее, чем она успевала их осознать.

«Доброе утро, Лиана и Кай, — написала система, и слова возникли в воздухе изящными серебряными буквами. — Ваш период адаптации успешно завершён. Сегодня вас ждёт 24-часовой тест-драйв отношений. За это время вы должны

посетить следующие локации: Парк Влюблённых, Ресторан «Эдем», Смотровая площадка «Горизонт». По завершении программы система проведёт финальную оценку совместимости и выдаст рекомендации для совместного проживания. Приятного дня!»

— Ого, — выдохнул Кай, читая надпись. — У них тут целый маршрут расписан. Как в туристическом бюро.

— Это стандартная процедура, — ответила Лиана, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сначала проверяют, не убиваем ли мы друг друга при первой ссоре. Потом смотрят, насколько хорошо мы умеем флиртовать в ресторане. И только потом решают, можно ли нам доверить квартиру.

Кай повернулся к ней, и на его лице появилась та самая озорная улыбка, которая делала его похожим на мальчишку.

— Ну что ж, — сказал он, сел на кушетке и потянулся. Его руки потянулись вверх, и Лиана увидела, как напряглись мышцы на его плечах. У него было тело спортсмена — не слишком массивное, но поджарое, с чёткими линиями мускулов под светлой кожей. — Если сегодня у нас идеальное свидание, то давай сделаем его идеальным.

Лиана почувствовала, как в груди что-то сжалось от его слов. Не от их содержания — от того, как он их произнёс. В его голосе не было фальши, не было актёрской игры. Он действительно хотел провести этот день с ней. И не потому, что чип говорил ему так. Просто потому что хотел.

— Тогда вставай, — сказала она, пытаясь скрыть смущение.

ние за шутливым тоном. — Нас ждёт парк, фонтаны и обязательная программа.

Через двадцать минут они вышли из медицинского центра.

Впервые за долгое время Лиана оказалась на улице — не как инженер, который бежит из офиса на станцию метро, а как свободный человек, у которого есть целый день и человек рядом. И город встретил её совсем иначе, чем она привыкла.

Нью-Токио всегда казался ей слишком шумным, слишком ярким, слишком искусственным. Стеклоблочные небоскрёбы, рекламные голограммы, толпы людей, которые смотрели в свои планшеты и никогда друг на друга. Но сегодня всё изменилось.

Рекламные вывески не раздражали — они казались забавными. Шум машин не давил — он был похож на ритм танца. Даже воздух, который всегда пах бензином и озоном, сегодня отдавал сладковатым ароматом цветущих деревьев, хотя на улице была глубокая осень.

Кай шёл рядом с ней, и их руки случайно соприкасались при каждом шаге. Лиана чувствовала тепло его кожи, даже когда они не касались друг друга. Оно шло от него волнами — странное, притягательное, необъяснимое.

— Ты знаешь, что мы сейчас идём по протоколу? — спросила она, когда они подошли к воротам парка. — Система

предлагает нам посетить именно это место. Она говорит, что здесь уровень серотонина повышается на 30%.

Кай усмехнулся и повернулся к ней. Солнце стояло у него за спиной, и чёрные волосы обрамляла золотая кайма.

— И что? — спросил он. — Мне всё равно, почему я счастлив. Я просто счастлив. Это так сложно понять?

Лиана открыла рот, чтобы ответить, и закрыла его. Потому что он был прав. Что-то в его простоте, в его нежелании всё анализировать, было невероятно притягательным. Она привыкла искать подвох во всём. А он просто жил. Просто любил. Просто делал её счастливой, и, чёрт возьми, у него это отлично получалось.

Парк Влюблённых был похож на ожившую открытку.

Искусственные водопады низвергались с каменных уступов, и их шум сливался с музыкой, доносившейся из скрытых колонок. Аллеи были посыпаны цветным песком, который переливался всеми оттенками радуги. Вдоль дорожек стояли скамейки, каждая из которых имела свою форму — сердечка, цветка, облака. И везде, куда ни глянь, были пары. Они сидели на траве, обнимались у фонтанов, целовались в беседках, и никто не обращал внимания ни на кого, потому что все были заняты своим счастьем.

Лиана остановилась у фонтана в центре парка. Вода взлетала вверх и падала вниз, создавая радугу в воздухе, и Кай подошёл к ней, встал рядом и обнял за плечи.

— Здесь красиво, — сказал он. — Я никогда не был в

таких местах.

— Ты никогда не был в парке? — удивилась она.

Он усмехнулся, но в его глазах промелькнула тень грусти.

— Был. Но я всегда ходил туда один. Или с друзьями, которые говорили о работе. Никто не держал меня за руку и не смотрел на облака.

Лиана повернулась к нему и посмотрела в глаза.

— А сейчас?

Кай улыбнулся — мягко, чуть застенчиво, и от этой улыбки у неё перехватило дыхание.

— Сейчас я понимаю, что я ждал этого всю жизнь. Просто не знал, что именно жду.

Она почувствовала, как щёки заливает румянец. Хотела сказать что-то остроумное, отшутиться, свести всё к шутке, но слова застряли в горле.

«Это чип, — напомнила она себе. — Это просто чип».

Но когда Кай взял её лицо в ладони и поцеловал — легко, почти невесомо, как порыв ветра, — Лиана забыла о чипе. Она забыла о том, где находится и как её зовут. Она забыла всё, кроме ощущения его губ на своих губах и запаха его кожи, который напоминал летний дождь.

Они целовались долго. Так долго, что мимо них прошли несколько пар, кто-то засвистел, кто-то засмеялся. Но им было всё равно.

Когда они отстранились, Лиана увидела голографическое уведомление в углу глаза: «Уровень дофамина: 98%. По-

здравляем! Ваша совместимость подтверждается».

Она моргнула, и уведомление исчезло.

«Оставьте меня в покое, — подумала она, обращаясь к системе. — Дайте мне просто быть с ним».

И система, странное дело, послушалась.

Ресторан «Эдем» находился на крыше пятидесятиэтажного небоскрёба.

Лифт поднимался так быстро, что у Лианы заложило уши, но когда двери открылись и она увидела открывающуюся панораму города, она забыла обо всех неудобствах.

Весь Нью-Токио лежал перед ними как на ладони. Огни, улицы, небоскрёбы и бесконечные реки автомобильных потоков. Город жил своей жизнью, пульсировал и дышал, и Лиана чувствовала себя крошечной, но почему-то не потерянной. Рядом с Каем она не чувствовала себя маленькой. Она чувствовала себя частью чего-то большего.

Официант провёл их к столику у окна. Золотые приборы, хрустальные бокалы, белоснежная скатерть — всё дышало роскошью. Кай отодвинул ей стул, и Лиана улыбнулась, садясь.

— Ты умеешь быть джентльменом, — сказала она.

— Я раньше был военным, — ответил он, усаживаясь напротив. — Нас учили быть вежливыми с дамами. А то в армии шлёпнут по затылку, если не поможешь девушке сесть.

Лиана рассмеялась — искренне, громко, так, что на неё

обернулись соседние столики. Ей было всё равно.

Они заказали ужин. Кай взял стейк с кровью, Лиана — ризотто с грибами. Разговор шёл легко, без напряжения. Они говорили о музыке, о книгах, о путешествиях. Кай рассказывал, как служил в пустыне, как видел закаты, которые нельзя описать словами. Лиана говорила о лаборатории, о звёздах, о том, что всегда хотела быть космонавтом, но стала инженером.

— Ты можешь стать космонавтом сейчас, — сказал Кай, когда официант убрал тарелки. — У тебя есть деньги, есть способности.

Лиана покачала головой.

— Это иллюзия. В космос летают только люди с идеальным здоровьем и стабильной психикой. А у меня... — она запнулась, понимая, что говорит лишнего. — У меня есть некоторые проблемы.

Кай наклонился к ней через стол. Его серые глаза смотрели внимательно, серьёзно.

— Какие проблемы?

Она хотела уйти от ответа. Но что-то в его голосе, в его взгляде — а может быть, снова этот проклятый чип — заставляло её быть честной.

— Я боюсь привязываться, — сказала она тихо. — Боюсь, что люди, которые мне дороги, уходят. Всегда. По-разному. Но уходят.

Кай помолчал, а потом медленно взял её руку в свою. Его

пальцы переплелись с её пальцами, и Лиана почувствовала, как по телу пробежал электрический разряд.

— Я не уйду, — сказал он просто. — По крайней мере, пока ты меня не прогонишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.